

14 ОКТ 1984

СМЕНА
г. Ленинград

14/X-84

В этом доме жил
МИХАИЛ ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ
в 1835-1837 гг.
Дом № 307
на Садовой улице
в Адмиралтейской части

«О, КАК МНЕ ХОЧЕТСЯ СМУТНТЬ ВЕСЕЛОСТЬ ИХ...»

Путешествие в лермонтовский Петербург

ЛЕРМОНТОВ увидел этот город в семнадцать лет... Вынужденный оставить словесное отделение Московского университета, вместе с бабушкой Елизаветой Алексеевной Арсеньевой приезжает на берега Невы. Впечатление от чинного императорского Петербурга угнетающее:

Увы! Как скучен этот город,
С своим туманом и водой!..

Остановились у родственника Никиты Васильевича Арсеньева, чей дом находился в 4-й Адмиралтейской части, в первом квартале, под № 18. (Ныне, перестроенный до неузнаваемости, под № 8/10, он стоит на углу Лермонтовского проспекта и улицы Союза Печатников). Пока бабушка подыскивала более подходящее место жительства, вук понемногу постигал новый край. Не радовала и первая встреча с морем:

И наконец я видел море,
Но кто поэта обманул?...
Я в роковом его просторе
Великих дум не почерпнул!..

Правда, вскоре в Петергофе, на террасе Монплезира, вдруг явились совсем иные строки:

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..

Да, с годами воспринимал он этот город по-разному. В первые встречи:

Я враг Неве и невскому
туману!..

А потом вслед за Пушкиным однажды вдруг увидел, как величаво течет Нева в белую ночь:

...Задумчиво столбы дворцов
Немых
По берегам теснились
И тени
И в пене вод гранитных
Ирылец их
Купались широкие ступени!..

ВСТРЕТИВШИСЬ с этим городом, он уже был Поэтом... Тем не менее вместо университета вдруг выбирает для себя совсем иную стезю: поступает в Школу гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров. Школа помещалась на набережной Мойки, у Синего моста, там, где позднее вознесся Марининский дворец. Казарменный быт, грубые нравы... Высоко образованный, широко начитанный в русской, французской, английской и немецкой литературе, самолюбивый и независимый, Лермонтов должен был завоевать авторитет среди новых своих товарищей тем, что здесь ценилось превыше всего: физической выносливостью, невозмутимым спокойствием, острой шуткой... И он добился этого. И хотя однажды, умиряя молодую спорившую лошадь, очень опасно повредил ногу, потом все равно оставался в манеже таким же отчаянным наездником. А еще — много рисовал, любил оказываться с друзьями у рояля и, конечно же, писал. Здесь были созданы поэмы «Измаил-

Бей» и «Хаджи Абрек». Здесь зарождались «Вадим» и «Демон». Здесь, в юнкерском рукописном журнале, появилось:

Царю небесный!
Спаси меня
От куртки тесной,
Как от огня!..

И ВОТ ОН УЖЕ корнет лейб-гвардии гусарского полка, что расквартирован в казармах на окраине Царского Села, именуемой Софией... Любим товарищами за «гусарскую удаль», но шумные гусарские проказы занимали корнета лишь первое время. Лермонтов все яснее осознает свое предназначение. В августовской книжке «Библиотеки для чтения» за 1835 год появляется «Хаджи Абрек» (рукопись Сенковского друга поэта отнесли тайком от автора). Поэма имела успех. Растроганная бабушка писала из Тархан: «Стихи твои, мой друг, я читала бесподобные...».

Страстный театрал, еще в ранней юности написавший «Испанцев», «Странного человека», «Люди и страсти», он почти каждый вечер отдавал театру: либо — Большому, либо — Александрийскому, либо — Михайловскому... Очень привлекали столичную молодежь опера и балет, а русская драма в ту пору переживала кризис. Особенно гнев Лермонтова и его друзей вызывало псевдопатриотическое творчество Кухольника. В пику подобной «исторической» драме он задумывает драму из современной жизни. Так возник «Маскарад»...

Ах как увлекались тогда маскарадами — и при дворе, и в различных знатных домах... Помните на Невском здании, где помещается Малый зал Филармонии? Так вот, в описываемое время здесь, в доме Энгельгардта, были самые знаменитые маскарады, на которые собиралась вся знать. Именно сюда привел Лермонтов и героев своей пьесы. Поэт убежден: светская жизнь Петербурга — такой же лживый маскарад, какой он изобразил в одной из картин своей драмы. Недаром Евгений Арбенин восклицает: «Повсюду зло — везде обман...». Стоит ли удивляться тому, что ни одна из пяти редакций «Маскарада» цензоров не удовлетворила. Впрочем, Михаил Юрьевич вообще так и не увидел своих драм — ни на сцене, ни в печати...

В НАЧАЛЕ МАЯ 1836 года внук сообщал бабушке из Царского Села: «Квартиру я нанял на Садовой улице в доме князя Шаховского за 2000 рублей — все говорят, что недорого, смотря по числу комнат...»

Дом Шаховского на Садовой, против пожарной каланчи, находился тогда в Третьей Адмиралтейской части, в четвертом квартале, под № 307 (ныне Садовая, № 61). Осенью, по окончании военных учений, Лермонтов перебрался сюда, к Елизавете Алексеевне, и в полк отныне ездил лишь на дежурства. Здесь же находился родственник, Святослав Раевский, принимавший ближайшее участие в литературных замыслах Михаила Юрьевича. Именно он познакомил поэта с Андреем Краевским, открывшим Лермонтову пути в литературно-журнальный мир...

В этих стенах, на Садовой, пишется роман «Княгиня Лиговская», полный сатирических стрел в адрес светского общества. Причем на этих страницах впервые появляется Печорин. Кстати, интересно проследить обычный городской маршрут героя романа. Офицер лейб-гвардии конного полка, казармы которого были расположены недалеко от манежа на Конногвардейском бульваре, Печорин едет к себе домой по Вознесенской (ныне проспекту Майорова), через Вознесенский мост, затем вдоль «по канаве», то есть по Екатерининскому каналу (ныне каналу Грибоедова), по Невскому, по Караванной (ныне улице Толмачева) и через Симеоновский мост (ныне мост Белинского), направо по Фонтанке. Тут сани Печорина «остановились у богатого подъезда, с навесом и стеклянными дверями, с медной блестящею обделкой». Лермонтов помещает Печорина в доме полковника Кушелева (ныне дом № 32 по Фонтанке), на втором этаже, куда вела широкая лестница... Это скрупулезное внимание к топографическим деталям Петербурга — один из характерных признаков лермонтовского реализма.

ЗДЕСЬ ЖЕ, на Садовой, Михаил Юрьевич узнает о том, что смертельно ранен Пушкин. Он спешит на Мойку, до глубокой ночи стоит в печальной толпе, а потом:

Погиб поэт — невольник чести —
Пал, оклеветанный молвой!..

Скоро это повторял весь Петербург.

И сразу же — арест. Его содержат в одной из комнат верхнего этажа здания Главного штаба. В заточении возникают стихи:

Одинок я — нет ограды:
Стены голые кругом,
Тускло светит луч лампы
Умирающим огнем!..

Следует «высочайшее повеление»: перевести Лермонтова тем же чином на Кавказ, в Нижегородский драгунский полк. Опальный поэт — в действующей армии. Лишь в самом конце 1837-го неустанные хлопоты Елизаветы Алексеевны о прощении внука увенча-

редно обращая на них свои сумрачные глаза...». Именно в те дни из его сердца вырвалось:

...О, как мне хочется
Смутить веселость их,
И дерзко бросить им
В глаза
Железный стих,
Облитый горечью
И злостью!..

В доме Марии Щербатовой (набережная Фонтанки, № 101), которой поэт посвятил дивный мадригал («На светские цепи, на блеск утомительный бала цветущие степи Украйны она променяла...»), он встречается с сыном французского посла Эрнестом де Барантом. Светские «доброжелатели» провоцируют между ними ссору. Объяснение состоялось на балу у графини Лаваль (ныне набережная Красного Флота, № 4). А потом — дуэль за Черной речкой, на Парголовской дороге. Сначала — на шпагах, затем — на пистолетах. Барант стрелял первым и промахнулся. Лермонтов разрядил оружие в сторону...

Ну разве могли простить бчнтарю поэту этот поступок? Подойдите к дому № 3 на Садовой: здесь, в Ордонансгаузе, содержался узник. Здесь посетил его Белинский, который впечатления от встречи с Лермонтовым выразил в страстном восклицании: «О, это будет русский поэт с Ивана Великого!»

Между тем жить поэту оставалось чуть больше года...

Назначение, а по сути — ссылка в Тенгинский пехотный полк. Прощальные часы у Карамзиных. Стоя у окна, глядя на тучи, что ползли над Летним садом, над Невой, он шептал стихи, явившиеся в этот миг:

Тучки небесные,
Вечные странники!
Степью лазурною,
Целью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же,
Изгнанный
С милого севера
В сторону южную!..

И ПОСЛЕДНЯЯ ВСТРЕЧА с Петербургом в начале 1841-го... Уже напечатан «Герой нашего времени», уже увидел свет сборник стихов и поэм. Его талант — в самом расцвете! И ненависть к нему тех, кого поэт нарек палачами «Свободы, Гения и Славы», тоже беспредельна. На последнем своем петербургском балу, в доме Воронцовых-Дашковых, поэт весьма явно ощутил гнев великого князя Михаила Павловича. Пришлось уйти... (Кстати, где происходил этот бал? Всегда считалось, что Воронцовы-Дашковы жили на Английской набережной. Однако недавно сотрудник Ленинградского городского бюро экскурсий Лариса Ильинична Бройтман с полной достоверностью определила подлинный адрес семьи. Сейчас там жилой дом: Дворцовая набережная, № 30).

Итак, поэт навсегда покинул столицу Империи:

Прощай, немая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ!..

Эти стихи — последние из всех, что были сложены под северным небом, он прочитал тоже у Карамзиных. Ими и простился с друзьями, с городом...

Спустя три месяца его не стало.

А ЗАВТРА исполняется 170 лет с того благословенного дня, когда Михаил Юрьевич родился...

Л. СИДОРОВСКИЙ

● Садовая улица, дом № 61. Здесь жил М. Ю. Лермонтов.

лись успехом: Лермонтов направлен с Кавказа в Гродненский гусарский полк, квартировавший под Новгородом, а весной возвращен в лейб-гвардии гусарский полк.

СНОВА В СТОЛИЦЕ. Публикации «Бородина», «Тамбовской казначейши», «Песни про царя Ивана Васильевича, молодого опричника Кирибеевича и удалого купца Калашникова» делают его имя весьма популярным. Лермонтова радужно принимают в доме Одоевского на Мошковом переулке, где собирались писатели, артисты, художники. Панаев вспоминает о новом госте: «Наружность Лермонтова была очень замечательна. Он был небольшого роста, плотного сложения, имел большую голову, крупные черты лица, широкий и большой лоб, глубокие, умные и пронзительные черные глаза, невольно приводившие в смущение того, на кого он смотрел долго...». И в доме Оленников на Морской (ныне улица Герцена, № 48) Михаилу Юрьевичу были рады и хозяева, и постоянные посетители, среди которых — Жуковский, Вяземский, Крылов... И в доме братьев Виельгорских на Михайловской площади (ныне площадь Искусств, № 5) тоже. И еще — в семье Карамзиных, на Гагаринской. Сюда поэт стремился охотнее всего, здесь его сердце для друзей было распахнуто особенно широко...

Но совсем по-другому билось это сердце, когда Михаил Юрьевич оказывался «в свете». Современник вспоминает, каким видел однажды Лермонтова на маскараде в Дворянском собрании (там, где сейчас Большая зал Филармонии). Поэту «не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки: одна маска сменялась другой, а он почти не сходил с места и молча слушал их писк, пооче-